

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА

АНТРОПОЛОГИЯ АФФЕКТИВНЫХ АТМОСФЕР

(отв. ред. — С.В. Соколовский)

ОБ АТМОСФЕРНОМ ПОВОРОТЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

С.В. Соколовский

Сергей Валерьевич Соколовский | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | д.и.н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

атмосферные исследования, экология аффекта, осязаемое тело, российская антропология, аффективные атмосферы

Аннотация

Настоящая статья представляет собой введение к специальной теме номера: “Антропология аффективных атмосфер”. В нее вошли статьи С.В. Соколовского, Д.А. Радченко, С. Рункеля и интервью с Т. Грифферо. Читателям представляется новая область философских и научных исследований, до сих пор практически не привлекавшая внимания отечественных антропологов, вопреки тому, что так наз. атмосферный поворот развивается уже почти четверть века, реализуясь во множестве социальных наук. Основной целью специальной темы является ознакомление российских антропологов и этнологов как с теоретической и методологической основами исследований (аффективных) атмосфер, так и с конкретными кейсами уже реализованных проектов, а главными задачами этого введения — обзор соответствующих концепций, методологии и исследовательских методов, а также рекомендация источников, знакомство с которыми призвано облегчить включение этой проблематики в программы полевой этнографии.

Информация о финансовой поддержке

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [№ соглашения о предоставлении гранта: 075—15—2022—328]

Любой “поворот” в научном знании инерционен — требуются годы, а иногда многие десятилетия для оформления идей, появления их сторонников, накопления массива соответствующих публикаций и для распространения влияния нового направления на другие исследовательские области и дисциплины. Об атмосферном повороте заговорили сравнительно недавно — всего лишь пять-семь лет назад, а до этого соответствующие идеи вызревали десяти-

Статья поступила 07.06.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 26.07.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соколовский С.В. Об атмосферном повороте в социальных науках // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 5—21. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040018> EDN: AZHJXU

Sokolovskiy, S.V. 2024. Ob atmosfernem povorote v sotsial'nykh naukakh [On Atmospheric Turn in Social Sciences]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 5—21. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040018> EDN: AZHJXU

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

летиями в рамках феноменологии пространства и таких междисциплинарных областей социально-гуманитарного знания, как исследования тела и аффекта¹. Если говорить о сдвигах в самом фундаменте эволюции этих знаний, т.е. об онтологии знания вообще, то можно заметить смену так наз. *вещной* (или материальной) *онтологии* с ее пристальным вниманием к связям и отношениям между материальными объектами (новейший пример — акторно-сетевая теория, или материальная семиотика) на конкурирующую с ней *онтологию событий*, основными категориями которой являются становление, процесс и поток (а наиболее влиятельными из современных теоретиков — Альфред Уайтхед и Жиль Делёз), а затем — на приходящую им на смену *онтологию ситуаций*, в которой место процессов становления заняли силовые поля и взаимодействия сил — основа трансформации как материальных сетей, так и цепей событий (из наиболее влиятельных и близких к нам по времени мыслителей здесь можно назвать Мартина Хайдеггера и Германа Шмица; ср.: Lotka 2020). Онтология событий и феноменология пространства и были заложены в фундамент атмосферного поворота, о котором пойдет речь в этом тематическом выпуске.

Исследования аффекта и атмосфер: две разные традиции? Антропологи и прежде обращались к исследованиям аффектов и эмоций. Сложилась особая специализация — психологическая антропология, в которой эмоциям, чувствам и страстям уделялось особое внимание, хотя нередко в полевой работе эта сторона человеческого поведения не фиксировалась и даже когда замечалась, чаще всего оставалась на страницах дневников и не отражалась в публикациях. Работы таких классиков антропологии, как Маргарет Мид (Mead 1928, 1930), Рут Бенедикт (Benedict 1989 [1934], 2013 [1934]), Джин Бриггс (Briggs 1970, 1998), Жорж Деверё (Devereux 1977), Эрика Бургиньон (Bourguignon 1979), Фред Мейерс (Myers 1979, 1986), Ренато и Мишель Розальдо (Rosaldo M. 1980, 1984; Rosaldo R. 1980, 1993), Кэтрин Лутц (Lutz, White 1986; Lutz, Abu-Lughod 1990), Джон Ливитт (Leavitt 1996), и развивающих их идеи уже в новом веке Лайлы Абу-Лугод (Abu-Lughod 2000), Винсента Крапанзано (Crapanzano 2004), Сары Ахмед (Ahmed 2004a, 2004b), Эндрю Битти (Beatty 2010, 2013), Дэниела Уайта (White 2017) стали фундаментом этой специализации как части так наз. аффективного поворота в социальных науках и гуманитаристике (ср.: Clough, Halley 2007; Wetherell 2012). Так в каком же смысле поворот, о котором мы говорим, оказывается действительно “поворотом” в развитии социально-гуманитарного знания?

Дело в том, что вся упомянутая литература, даже новейшая, оказывается мало связанной с тем направлением, которое относительно недавно стало известно как *атмосферный поворот*, а исследования аффективных атмосфер, как выясняется, почти не имеют пересечений с литературой по антропологии эмоций². Из числа философских антропологов, пытавшихся сопоставить эти две независимо развивавшиеся области исследований, на память приходят только имена канадского философа Брайана Массуми (Massumi 2002, 2010, 2015, 2019), немецкого феноменолога Яна Слаби (Slaby 2019) и специалиста по этномузыкологии из Германии, проводившей полевые исследования в Юго-Восточной Азии, Фридлинд Ридель (ср.: Riedel, Torvinen 2019). Одной из причин независимого развития этих направлений является некритическое использование антропологами менталистской (интроспекционистской) парадигмы в трактовке чувств и эмоций. Доплатоновские представления в отношении чувств как сил, приходящих извне, захватывающих и подчиняющих человека, ими всерьез не воспринимались³.

Парадокс игнорирования атмосферных феноменов. Все существующее *существует* во времени и пространстве. Живое, однако, способно эти время и пространство *чувствовать* и *переживать*, что и составляет основу аффективного восприятия мира. Такая вовлеченность в мир характеризует не только высокоорганизованные формы живой материи, но и все живое, а быть может, и остальные формы и модусы существования материи. Существовать в мире — значит быть им *затронутым* (affected)⁴. Можно вслед за Бенедиктом Спинозой утверждать, что существовать — это и значит быть аффицированным, иметь возможность действовать или находиться под воздействием, быть в контакте с вечно изменяющимся миром, являться неотъемлемой составляющей его становления и его частью в каждый момент своего бытия. Но если это так, то каждый момент существования имеет свое аффективное измерение, особую тональность, звучание, цвет, вкус и запах, собственную *атмосферу*, объединяющую все эти модусы восприятия еще до их аналитического различения сознанием⁵. Согласившись с этим утверждением, мы, однако, не приходим к большей ясности в наших взглядах на мир, но лишь сталкиваемся с новыми проблемами и вопросами. Если аффективные атмосферы вездесущи, почему они до сих пор не стали неотъемлемой частью социального и гуманитарного знания или знания биомедицинского?

По контрасту с классическим платоновско-картезианским взглядом на чувства как на внутренние, субъективные или ментальные состояния, немецкие феноменологи утверждали, что чувства приходят извне (известный пример содержится в ранней работе Фридриха Ницше; *Nietzsche* 1994 [1864]). Важно также, что как у древних греков и египтян, так и у последователей новой феноменологии чувства всегда телесно опосредованы, что позволяет уйти от противопоставления ментального — соматическому, сознания — телу, а также по-новому рассматривать взаимодействие тела и среды. Немецкая феноменологическая традиция, объединявшая достижения психологии того времени⁶ с критикой спекулятивного неокантианства, выработала собственный подход к исследованию настроений, чувств и аффектов, предложив развернутые классификации типов ситуаций, типов пространств и типов чувств⁷. Следует отметить и французскую феноменологическую школу и обусловленный ее влиянием отличный от немецких феноменологии и эстетики подход к исследованию аффективных ситуаций (*ambiances*), настроений и коллективных чувств (ср.: *Augoyard, Torgue* 2006; *Thibaud* 2011, 2013; *Bégout* 2020). В этой традиции много внимания уделялось атмосферности света, цвета и звука: наблюдениям, которые восходят к работам двух влиятельных французских феноменологов — Анри Бергсона и Мориса Мерло-Понти⁸. Влияния этих философов обнаруживаются и в работах Тима Инголда, особенно в его рассуждениях о свете и звуке (ср.: *Ingold* 2022: 252–255). В целом, однако, феноменологические подходы, несмотря на свою близость дескриптивным программам этнографического наблюдения (их роднит, напр., установка на борьбу с редукционистскими концепциями реальности), мало сказались на антропологических концепциях аффекта. В первой хрестоматии по теориям аффекта перечислено восемь разных подходов к его изучению (*Gregg, Seigworth* 2010: 6–8), но в недавно вышедшем втором томе редакторы уклоняются от приведения подобных перечней по той простой причине, что оснований для такой классификации может найтись много, а сама она стала бы слишком напоминать известную историю Борхеса о китайской классификации живот-

ных (Seigworth, Pedwell 2023: 8). Во всем этом многообразии ирредукционистские феноменологические подходы к изучению аффективных феноменов рисковали затеряться. Однако именно они возобладали в исследованиях атмосфер.

О том, что атмосферы длительное время действительно ускользали от философского и научного осмысления, свидетельствует то обстоятельство, что предметом систематической рефлексии они стали лишь со второй половины прошлого века, примерно с середины 1960-х годов, когда отдельные феноменологи, психиатры и социологи начали исследовать их в контексте феноменологии пространства (Schmitz 1965, 1969, 2011, 2014; Tellenbach 1968; Simmel 2001 [1913]⁹). Поскольку речь идет о пространстве и его свойствах, много позднее к исследованиям подключились географы (ср.: Hasse 2002a, 2002b; Kazig 2007)¹⁰. Результаты феноменологических исследований аффективных атмосфер повлияли на развитие многих социальных и гуманитарных дисциплин и областей прикладного знания. Сегодня они используются культурологами для переосмысления теории культуры, социологами — для существенных уточнений концепций действия, психологами и психотерапевтами — в обновленных концепциях восприятия, чувств и настроений, а теоретиками медиа — при уточнении сути и роли медиа как среды. Помимо перечисленного, концепт (аффективных) атмосфер все шире используется в практических сферах: в градостроительстве, архитектуре, театро-, кино- и литературоведении, в косметологии, дизайне и моде, в туризме и гостиничном бизнесе, в маркетинге (включая нейромаркетинг), политике, педагогике и еще в дюжине прикладных областей, где целью становится манипуляция поведением или создание необходимого настроения и чувства у потребителя, посетителя/клиента. Библиотека этой междисциплинарной области сегодня насчитывает более полусотни томов, прежде всего на немецком, итальянском и французском языках, а также на английском (в основном — переводы), и более тысячи статей. Можно говорить и об успешной институализации всей этой междисциплинарной области как самостоятельной, выражающейся в организации специализированных сайтов и регулярных международных конференций, в создании научных центров¹¹, онлайн-выходных и оффлайн-выходных периодических изданий¹², книжных серий¹³, учебных курсов¹⁴.

Что же позволяло длительное время игнорировать существование аффективных атмосфер на фоне признания их повсеместного влияния? Первый ответ, который в этой связи возникает: характер самих атмосфер, а точнее такие их черты, как ускользание, неопределенность, размытость, нелокализуемость, эфемерность. Социальные ученые в своих исследованиях обычно сосредоточиваются на устойчивом и повторяющемся, отсеивая преходящее и случайное. Отмечая это обстоятельство, Альберт Нортон Уайтхед писал: “Видеть общее в особенном и сохраняющееся в преходящем — такова цель научного мышления” (Kuntz 1984: 17; цит. по: Kissel 1990: 17–18). Эфемерность и проблемы с дефиницией атмосфер как дорефлексивных и ускользающих явлений, безусловно, затрудняли их выделение в качестве отдельного предмета научного рассмотрения. Исследователи аффективных пространств задавались вопросом: каким образом можно определить атмосферу, если даже акт ее наименования — *репрезентация, фиксирующая* и тем самым подвергающая *редукции* само это явление? (ср.: Anderson, Ash 2015: 38). Решение этой задачи осуществлялось посредством феноменологического анализа повседневного опыта и выявления специфических характеристик аффективных атмосфер. Представитель первого послевоенного поколения немецких философов Шмиц — основатель философской системы, названной им

“новая феноменология”, предложил в рамках своей системы особую методологию исследования аффективных атмосфер. Он обобщает содержание этапов их анализа следующим образом:

1) *описательный* — выделение предметной области жизненного опыта (напр., конкретных переживаний определенного чувства) на основе средств повседневной речи;

2) *аналитический* — определение повторяющихся элементов в данной области и их фиксация в конкретных терминах;

3) *комбинаторный* — более сложные компоненты соответствующей области реконструируются путем объединения разработанных понятий (*Schmitz* 1992: 33).

Известно, что, на основании выделенных характеристик подчеркивая независимость и действенное влияние атмосфер, Шмиц рассматривал их в онтологическом отношении как “полуведи” (*Halbdinge*)¹⁵.

Дорефлексивная манера, с которой атмосферы захватывают наши тела и чувства, заставляет утверждать, что, прежде чем мы начинаем размышлять об атмосферах, они уже “мыслят” нами, исподволь окрашивая наш опыт и направляя наши рассуждения. В этом отношении они являются когнитивно непроницаемыми (*Griffero* 2019: 32). Мы всегда мыслим *в* атмосферах, их *посредством* и *через* них (ср.: *Sumartojo, Pink* 2019: 11–12). Рефлексивная доступность аффективных атмосфер, таким образом, обеспечивается главным образом тем обстоятельством, что мы располагаем личным опытом их переживания и можем этот опыт описывать и осмыслять. Такой опыт, позволяющий понимать и правильно интерпретировать похожие переживания других людей, делает возможным исследование этих постоянно ускользающих от фиксации феноменов. Следует, однако, учитывать, что вездесущность атмосфер и обусловленная ею их обыденность становятся скорее препятствиями (обыденное, играя роль фона, не привлекает внимания и ускользает из фокуса притупляемой привычкой рефлексии), нежели способствуют их анализу.

Вторая версия ответа на вопрос о причинах того, почему длительное время атмосферы не являлись предметом исследований — невозможность их адекватного концептуального схватывания традиционными научными методами. Например, специалисты по эволюционной антропологии, фокусирующиеся на изучении биологических основ поведения человека, при обращении к аффектам зачастую описывают не их, а обработанные культурой и концептуально зафиксированные их формы — эмоции. Иногда аффекты и эмоции в их работах вообще не различаются. Здесь дурную услугу оказывает и стандартная процедура концептуализации, в данном случае неререфлексивно применяемая к предмету, природа которого является сущностно пред- или доконцептуальной и который может описываться лишь феноменологически как совокупность переживаний и телесных состояний, а точнее — переживаний ввергнутого в определенную атмосферу тела. Эти переживания с трудом поддаются классификации в силу того, что множество телесных ощущений плохо вписывается в сетки репрезентаций как культуры наблюдателя, так и культуры наблюдаемых (в автоэтнографии и самоотчете эти две позиции совпадают). Многие из нас на собственном опыте знают смысл выражений “зубы стучат”, “трясутся колени”, “сердце подступает к горлу”, “грудь распирает”, “волосы дыбом”, “по спине бегут мурашки”, “щеки пылают”, “душа в пятках”, “кровь приливает к лицу” и т.д. и т.п., но в словарях нет чувств, наименования которых однозначно бы выражали эти конкретные аффективно-телесные состояния.

Аффективные интенсивности плохо отражаются и в словарях локальных культур (репертуары терминов более сфокусированы на обозначении значимых для конкретной культуры эмоций). Последнее, однако, по-видимому, более справедливо применительно к культурам европейского круга, долгое время находившимся под влиянием платоновско-картезианского ментализма. Об этом свидетельствует и тот факт, что во времена Гомера греки и египтяне располагали значительно более богатой фразеологией и особой восприимчивостью не только к телесно-аффективной стороне жизни, но и к возникающим в этой жизни аффективным явлениям, которые мы сегодня называем атмосферами (ср.: Schmitz 1965, 1969). Эта восприимчивость была утрачена европейцами в результате победы так наз. менталистской, или интроекционистской, парадигмы — противопоставления души телу — и утвердившегося после Платона (но в особенности после Декарта) взгляда на чувства как на исключительно *ментальные* состояния. Впрочем, естественные языки все-таки располагают хоть и ограниченными в каждом конкретном случае, но адекватными современным им режимам чувственности словарями для отражения наиболее распространенных аффективных состояний (напр., эйфории, депрессии, паники, скуки, сосредоточенности и т.д.).

Есть еще и третья версия или, скорее, третий аспект, замедлявший восприятие результатов феноменологических наблюдений за атмосферами и разрабатываемых на их основе концепций в социальных науках. Он может описываться как сочетанное действие глубоко освоенной *идеологии модерна* с ее навыками абстрагирующего и редуцирующего мышления, не позволявшего увидеть мир таким, каким он является не знающему схем и различий современному сознанию, с одной стороны, и *терминологической омонимии* позитивистского и феноменологического описаний, в которых термины “пространство”, “тело”, “чувство”, “атмосфера”, “аффект”, хотя и звучат одинаково, но означают с трудом сопоставимые сущности — с другой.

Все эти моменты затрудняют задачу определения аффективных атмосфер, тем более такого, с которым бы согласились представители разных подходов и дисциплин. Задача остается нерешенной не по причине, как это обычно бывает, наличия разногласий между представителями разных школ, а из-за самой сути определяемых явлений. Помимо попыток атрибутивного определения атмосфер (напр., как это проделал Гриффоро за счет перечисления их отличий от других онтологических сущностей; см. публикуемое в этом выпуске интервью), можно использовать также еще историко-семантический подход.

Исследования атмосферы и антропология. Термин *атмосфера* восходит к др.-греч. понятию *ατμόςσφαιρα*, первоначально обозначавшему область или сферу эманаций тел — гуморальных жидкостей, так наз. *effluvia* — испарений, выделений, запахов, пара, иных обусловленных телесностью и захватывающих пространство полей и сил (напр., магнитного поля) или страстей; именно это значение связывалось с термином *атмосфера* на рубеже XVIII и XIX вв. (Riedel 2019: 86). Параллельно этот термин стал использоваться в астрономии и географии, где он обозначал газовые оболочки планет и звезд. Многие авторы (включая Гернота Бёме) считали, что “(аффективные) атмосферы” как понятие возникло в результате метафорического переноса его из области метеорологии в область психологии и медицины¹⁶. Однако Георг Зиммель (Simmel 2003, 2009: 556, 579) и Макс Шелер (Scheler 1973: 257), касавшиеся в своих работах понятия “атмосфера”, не говоря уже о немецких психиатрах-феноменологах Отто Фридрихе

Больнове (*Bollnow* 1965: 44 ff), Губерте Телленбахе (*Tellenbach* 1968) и Томасе Фуксе (*Fuchs* 2000: 58–60), рассматривали его как исторически связанное с телесностью. Лишь благодаря доминированию в обыденном сознании представления об атмосфере как понятии скорее метеорологическом, первая гипотеза его происхождения возобладала. Впрочем, это не исключает возможности вторичного метафорического переноса, что и было сделано некоторыми исследователями аффективно-атмосферных феноменов, опиравшимися на более популярную сегодня версию, в которой понятие “атмосфера” указывает не столько на тело, сколько на климат или погоду¹⁷. Например, Тим Инголд, задаваясь вопросом, в какой среде мы живем, замечает:

Я обнаружил два возможных ответа. Один — думать о среде как о сети, сплетенной из мириад нитей живых существ, проторяющих свои пути в этом мире. Другой — думать о ней как об *атмосфере* — воздушном царстве, наполненном светом, звуком и чувством. <...> А если это и то, и другое, то каково отношение между ними? (курсив мой.— С. С.) (*Ingold* 2022: 51, 2015: 87–88).

Каков же вклад антропологии в исследования атмосферных феноменов? Первые этнографические/антропологические работы в рамках этого направления были опубликованы совсем недавно, и на сегодняшний день есть лишь несколько книг, написанных на основе полевых этнографических исследований, в которых (аффективные) атмосферы стали главным предметом рассмотрения (*Schroer, Schmitt* 2018; *Zehmisch et al.* 2018; *Stenslund* 2023). Впрочем, близкие феномены привлекали внимание антропологов и прежде, пусть и эпизодически. Виктор Тёрнер, например, описывал как особую лиминальную фазу — *коммунитас* — аффективные состояния в обрядах перехода (*Turner* 1983). Марк Оже в одной из своих книг анализировал восприятие пространств и ситуаций вокзалов, аэропортов и супермаркетов как “не-мест”, объединяемых особой атмосферой (*Augé* 1992). Трансдисциплинарный характер атмосферных исследований уже довольно существенно повлиял на повестку нескольких антропологических дисциплин: на городскую (ср.: *Schoon* 2008; *Löfgren* 2010, 2014; *Bille* 2015; *Bille, Schwabe* 2023; *Stenslund* 2023) и медицинскую (*Griffero, Francesetti* 2019; *Sokolovskiy* 2022b) антропологию, антропологию религии (*Radermacher* 2020; *Eisenlohr* 2018, 2022; *Cooper* 2022), туризма (*Holst* 2018; *Sánchez-Fuarros et al.* 2023) и спорта (*Uhrich* 2008), этномузыкологию (*McGraw* 2016; *Abels* 2018, 2022; *Riedel, Torvinen* 2019). Есть также работы в области социологии и антропологии организаций и маркетинга. Такое ширящееся влияние философско-феноменологических исследований атмосфер на социально-гуманитарное и прикладное знание обусловлено ориентацией на холистскую (ирредукционистскую) методологию на волне обретающих все большую популярность пост- и трансгуманистских подходов. Длительное игнорирование чувств и телесности, обеднявшее репрезентации реальности во многих жанрах академического письма, ожидаемо завершилось бумом восполняющих эту лакуну исследований с фокусом на (аффективные) атмосферы и резонирующее под их воздействием переживаемое тело.

Атмосферные исследования в российской антропологии. Существует пока лишь несколько работ по антропологии города, затрагивающих понятие атмосферы (ср.: *Brednikova, Zaporozhets* 2016; *Shishova* 2018; *Kupriyanov, Lurie* 2022). Сам предмет этой субдисциплины сталкивает исследователей с проблемой осмысления

духа или гения места, ауры и атмосферы. Например, в сборнике под редакцией Ольги Бредниковой и Оксаны Запорожец “Микроурбанизм. Город в деталях” авторы включенных в него статей неоднократно касаются темы атмосфер, не пытаясь, однако, использовать соответствующую литературу по феноменологии, хотя работы Вальтера Бенямина и Жана-Поля Тибо все же упоминаются. Есть несколько публикаций по этой тематике и у отечественных религиоведов, правоведов, литературоведов, искусствоведов и архитекторов, в которых затрагиваются концепции Шмица или Бёме. Монографических исследований атмосферных феноменов в отечественной антропологии и смежных дисциплинах пока нет¹⁸. Таким образом, можно констатировать, что атмосферный поворот пока мало затронул наше академическое сообщество, и можно надеяться, что предлагаемые вниманию читателей в этом номере журнала статьи станут существенным вкладом в российскую атмосферологию.

В тему номера вошли статьи и интервью как ведущих специалистов в данной области, так и исследователей, впервые обращающихся к теме атмосферных феноменов: это и теоретические экскурсы, и материалы конкретных кейсов. Тему открывает интервью с нынешним лидером атмосферных исследований Тонино Грифферо, автором множества книг и статей, оказавших значительное влияние как на формирование соответствующих представлений в его собственной дисциплине — эстетике, так и на всю бурно развивающуюся сегодня междисциплинарную атмосферологию. Если говорить о позиции Грифферо в отношении реализуемых в рамках атмосферных исследований подходов, то ее можно охарактеризовать как синтетическую: в своих работах он делает попытку разрешить весьма существенные противоречия между подходами Шмица и Бёме за счет типологизации атмосферных феноменов, в которой онтологические характеристики одного типа соответствуют концепции Шмица, а другого, имеющего собственные внутренние противоречия, — концепции Бёме. Не все исследователи, однако, готовы согласиться с компромиссным семанτικο-типологическим решением, предложенным Грифферо. В статье Симона Рункеля, которая завершает тему, ставятся важные вопросы о состоятельности онтологии Бёме, отклоняющейся от строго феноменологического подхода и возвращающей (спекулятивные) конструкции классической западной философии типа противопоставления субъекта и объекта, с которыми столь последовательно боролся Шмиц. Тема номера также содержит исследование конкретного кейса городской атмосферы: статья Дарьи Радченко позволяет поставить вопрос о роли синестезии в восприятии атмосферных феноменов и предлагает заслуживающие дальнейшего анализа аналогии между религиозными и городскими атмосферами.

Исследования аффективных атмосфер пока остаются весьма редкой темой в отечественной антропологии, между тем они представляют важную в методологическом отношении альтернативу доминирующим сегодня в сенсорной антропологии подходам, на которых строится так называемый аффективный поворот. Знакомство с литературой по атмосферным феноменам безусловно обогатит такие антропологические субдисциплины, как городская антропология, антропология религии, антропология организаций, психологическая антропология и др., а также представит возможность сравнения современной феноменологии, с одной стороны, и описательных практик полевой антропологии — с другой, с целью обогащения последних новыми приемами и новой оптикой, позволяющей раскрыть стороны реальности, до сих пор ускользавшие от внимания антропологов.

Примечания

¹ Сам диагноз “поворота” (назван по аналогии с другими поворотами в социально-гуманитарном знании) впервые прозвучал в работе немецкого философа и химика Йенса Зёнтгена, сравнившего обращение философии к теме атмосфер с произошедшим в ней ранее лингвистическим поворотом (*Soentgen* 1998: 72). Этим сравнением воспользовался Тонино Грифферо — итальянский философ, специалист по этике; он указал автору идеи (*Griffero* 2014: 9), но оставил за собой первенство в отношении самого термина “атмосферный поворот” и назвал стоящие за ним концепции “атмосферологической парадигмой” (*Griffero* 2020: 174).

² Такая независимость в изучении аффекта *per se* и аффективных атмосфер в философии и социальных науках нуждается хотя бы в кратком комментарии. Пути развития исследований аффекта и сопряженных с ним понятий в англофонной антропологии несколько отличаются от тех, что принято связывать с так наз. аффективным поворотом в социальных науках. Дело в том, что антропология, оставаясь в значительной степени дисциплиной эмпирической и дескриптивной, опиралась в своих исследованиях аффективных феноменов на полевые наблюдения и актуальные для каждого из этапов ее развития достижения психологии и психиатрии (в значительной мере — психоанализа). Лишь с начала нулевых годов текущего века она, наряду с другими социальными науками, стала испытывать мощное влияние делёзианских трактовок аффекта. Это произошло не в последнюю очередь благодаря переводу ключевых текстов Жюль Делёза и Феликса Гваттари на английский язык, выполненных канадским специалистом по философской антропологии Брайаном Массуми. Делёз в своей трактовке аффекта творчески развивал идеи Бенедикта Спинозы, отказавшись от доминировавшей в феноменологии того времени (благодаря влиянию Франца Brentano, Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти) трактовки чувств как интенциональных состояний. В последний чувства увязывались с субъектом как его (субъекта) интенциональные акты. Между тем, как утверждал Герман Шмиц, существуют чувства, не ориентированные на какой-либо объект (иными словами, неинтенциональные чувства), полностью выпадавшие из внимания последователей Гуссерля. Исследование этих феноменов и легло в основу новой феноменологии Шмица. И Массуми, и Шмиц не соглашались со многими принципами феноменологии Гуссерля, однако на этом сходство между их подходами заканчивается. Массуми, следуя Делёзу (который, в свою очередь, помимо концепции аффекта Спинозы, использовал идеи философии процесса Альфреда Нортон Уайтхеда, Анри Бергсона и Чарльза Сандерса Пирса), в итоге отказался от феноменологии и предложил динамическую концепцию аффекта, которая и стала методологической основой аффективного поворота в социальных науках. Шмиц начиная с середины 1960-х годов стал развивать собственную систему новой феноменологии, внося ряд радикальных поправок в классическую феноменологию и заложив основы нынешнего атмосферного поворота. Он опирался прежде всего на собственный анализ произведений гомеровской эпохи и исследования психологов и психиатров. В англофонную литературу по социальным наукам его концепция аффективных атмосфер вошла благодаря усилиям его последователя — Гернота Бёме, популяризовавшего ее и адаптировавшего ее аппарат (за счет не всегда удачного упрощения) к нуждам прикладных исследований (*Böhme* 1993). В Италии концепции Шмица и Бёме развиваются Тонино Грифферо, несколько книг которого недавно переведены на английский; во Франции соответствующие исследования, главным образом в приложении к городским атмосферам и звуковым ландшафтам, пропагандирует Жан-Поль Тибо (*Thibaud* 2015, 2021; *Böhme, Thibaud* 2018).

³ Считая разделение на тело и душу фикцией и глубоко (по крайней мере со времен Демокрита и Платона) укорененной ошибкой философской антропологии (ср.: *Schmitz* 1992: 93 ff) и сравнивая архаические доплатоновские представления о теле с представлениями последующих эпох, Шмиц так характеризует эти подходы: “Один [архаичный подход] трактует человека как телесное, настроенное на захватывающие его силы и вступающее с ними в резонанс существо, другой — как субъекта, обитающего во внутреннем мире души, связанной с телесным телом и через него с внешним миром” (*Schmitz* 1969: 19). В этом высказывании содержится ключ к его трактовке связи между переживаемым, или феноменологическим, телом и аффективными атмосферами. Такая связь может интерпретироваться с помощью двух используемых в его наблюдении понятий, а именно — *настроенности* и *резонанса*, обуславливающих захват тела внешним, манифестируемым как атмосфера чувством. Сам такой “захват” определяется Шмицем с помощью неологизма *Einleibung* (*≈* *воплощение*).

⁴ Языковые различия влияют на восприятие логики высказываний, подчеркивая либо, наоборот, скрывая реальность. Аффективность/затронутость во многих европейских языках выражается глаголами движения (пример из англ.: *to be moved*), в то время как русск. *быть затронутым* отсылает к тактильности, одному из пяти ощущений классического набора (зрение, слух, вкус, обоняние, осязание). Движение (хотя и относимое к восприятиям и ощущениям в постклассических классификациях ощущений) не ассоциировалось с восприятием в классической феноменологии, что имело существенные последствия для концепции чувств в этой традиции. В частности, Шмиц в своей полемике с предшествующей традицией феноменологических исследований трактует чувства как динамические явления, вовлекающие в свое действие чувствующее или переживаемое тело (*Leib*).

⁵ Это не первое обращение журнала к теме экологически распределенных умственных и физических способностей человека (так наз. экологии разума; ср.: *Clark* 2008). Напомню, что в 2022 г. в “Этнографическом обозрении” была опубликована дискуссия о материальных аспектах политики идентичности (*Sokolovskiy* 2022a; *Baranov et al.* 2022), освещающая роль материальной среды в этой политике, а в заключительном номере прошлого 2023 г. (№ 6) — тематический выпуск по экологии памяти и так наз. аффективным микронишам.

⁶ Макс Шелер, например, при разработке типологии чувств опирался на работы Карла Штумфа (*Scheler* 1973 [1916]: 340 ff).

⁷ Шелер выделял по характеру связей с объектами шесть типов чувств (состояния, аффекты, интенции, чувственные функции, предпочтения и любовь/ненависть), а кроме того, еще четыре их уровня по отношению к эго: 1) уровень телесных ощущений — щемотка, мурашки, голод, жажда; 2) уровень психических состояний — эйфория, симпатия, грусть; 3) уровень личностных чувств — гордость, вина, зависть, восхищение; 4) уровень духовных чувств — удивление, отчаяние, катарсис, стыд, раскаяние, угрызения совести. Несомненным теоретическим достижением Шелера было его рассмотрение чувств и эмоций как коррелятов ценностей, точно так же как коррелятами зрительного восприятия выступают цвета и формы (*Scheler* 1973 [1916]). Мы обнаружим близкую мысль у Гриффиро, считающего, что любая атмосфера несет с собой неотделимые от нее ценность и чувство (*Griffero* 2014: 21 ff).

⁸ Внимание к атмосферным элементам городской среды и архитектуры, уделяемое в этой традиции (как, впрочем, и позиция Гернота Бёме, считавшего, что атмосферы можно конструировать), привлекло градостроителей и архитекторов и породило большую литературу (ср.: *Thibaud* 2007; *Borch* 2014; *Bille, Sørensen* 2016; *Hasse* 2022; *Arbib, Griffero* 2023; *Stenslund* 2023).

⁹ Георг Зиммель в своем очерке “Философия пейзажа” рассматривает пейзаж не только как объект искусства, но и как объект повседневного опыта. Он утверждает, что восприятие пейзажа как выделение определенного образования в природе является исключительно современным феноменом. Зиммель предполагает, что именно процесс индивидуализации эпохи модерна сделал такое разграничение возможным. Это приводит Зиммеля к вопросу: что представляет собой тот особый вид единства, который и определяет такое выделение части из целого? Его ответ: у воспринимающего пейзаж или ландшафт человека формируется аффективный отклик в виде особого настроения (*Stimmung*), или, как он пишет, “целостного ансамбля, который постоянно или временно окрашивает все психические составляющие его [человека] восприятия” (*Simmel* 2001 [1913]: 26).

¹⁰ В теоретическом плане поворот к исследованиям аффективных пространств в географии человека и географии культуры привел к оформлению новых концептуализаций пространства и критике прежних, до того преобладавших в этих дисциплинах “репрезентационистских” подходов с их трактовками пространства как объема, вместилища или контейнера, иными словами — как пространства, не отличающихся по своим характеристикам от пространств, описываемых в физике и геометрии. Исследования феноменологии *переживаемого* пространства (ср.: *Thriff* 2008; *Anderson* 2009; *Vannini* 2015; *Simpson* 2017; *Trigg* 2023) легли в основу так наз. NRT (*Non-Representational Theory*), в которой аффекты и атмосферы, динамика и аффордансы, экологические отношения между людьми и “нечеловеками” (*non-humans*) вышли на первый план и заставили коренным образом переосмыслить основания географии культуры и географии человека. Наименование “нерепрезентационистский” этот подход получил в силу того обстоятельства, что классическое физическое представление о пространстве является удобной *репрезентацией* в физической картине мира. Полемизуя с таким представлением, Шмиц, например, рассматривал трехмерное физическое пространство как результат абстракции и редукции воспринимаемого и переживаемого предименсионального (т.е. не имеющего измерений) “первичного” пространства.

¹¹ Среди них основанное в 1992 г. в Киле (городе, в университете которого Шмиц в 1958 г. начал свою карьеру философа и проработал в должности профессора с 1971 по 1993 гг.) Общество новой феноменологии (*Gesellschaft für Neue Phänomenologie*), объединившее не только немецких последователей Шмица, но и ученых из Австрии, Нидерландов, Швейцарии, Великобритании, Японии, Китая и США (<https://www.gnp-online.de>). В Риме под эгидой Университета Tor Vergata по инициативе Гриффери была создана международная исследовательская сеть *Ambiances International Network* (<https://www.ambiances.net>), объединившая более 1100 ученых и 30 исследовательских групп из 60 стран. В 2022 г. был основан Институт атмосферных исследований при японском университете Кобе (KOIAS) — на его сайте предметом исследований названы “атмосфера” и другие ассоциируемые с ней аффективные феномены, включая “mood” (англ.), “ambiance” (фр.), “Stimmung” (нем.), “qifen” (кит.) и “fun’iki” (яп.) (<http://www.lit.kobe-u.ac.jp/koias>). Во Франции, в Гренобле, при Высшей национальной школе архитектуры с 1998 г. действуют лаборатория AAU (*Ambiances, Architectures, Urbanités*; <https://aau.archi.fr/laboratoire-aau>) и исследовательский центр CRESSON (*Centre de Recherche sur l'Espace Sonore et l'environnement urbain*; <https://aau.archi.fr/cresson>), основным предметом исследований в которых являются городские атмосферы. Аналогичные центры существуют в Италии, Нидерландах, Алжире, Тунисе, Бразилии, Канаде и США.

¹² В частности, сегодня выходят следующие издания: *Ambiances. International Journal on Sensory Environment, Architecture and Urban Space* (<http://journals.openedition.org/ambiances>); *Atmospheric Spaces Bulletin* (<https://atmosphericspaces.wordpress.com/bulletins>); с 2008 г. — *Emotion, Space and Society Journal* (<https://www.journals.elsevier.com/emotion-space-and-society>); *Environmental & Architectural Phenomenology* (<https://newprairiepress.org/eap>); *Lebenswelt: Aesthetics and Philosophy of Experience* (<http://riviste.unimi.it/index.php/Lebenswelt>); *Sensibilia. Studi di estetica* (<http://journals.mimesisedizioni.it/index.php/studi-di-estetica>). Первые два издания целиком посвящены аффективным атмосферам, а в остальных регулярно публикуют статьи по соответствующей тематике.

¹³ Например, известное издательство научной литературы “Routledge” с 2016 г. издавало специализированную книжную серию *Ambiances, Atmospheres and Sensory Experiences of Spaces* (серия была инициирована издательством “Ashgate” в 2015 г. до его слияния с “Routledge” и нынешнего поглощения “Routledge” издательским консорциумом “Taylor & Francis”); в Германии Общество новой феноменологии публикует в издательстве “Karl Alber” серию *Neue Phänomenologie*; итальянское издательство “Mimesis International” с 2017 г. издает книжную серию *Atmospheric Spaces: Aura, Stimmung, Ambiance*, в которой к сегодняшнему дню вышло 12 томов (<https://atmosphericspaces.wordpress.com>).

¹⁴ Например, в начале 1990-х годов в Нанте под руководством французского архитектора Жана-Пьера Пено (Péneau) в тесном сотрудничестве с исследовательским центром CRESSON в Гренобле, которым руководил один из крупных исследователей “обстановки и настроения” (*ambiance*) и основатель CRESSON Жан-Франсуа Огуар (Augoyard), была создана одна из первых во Франции докторских программ подготовки по теме *ambiances*. В начале 2000-х годов Пено продолжил начатую им в Нанте работу уже в Тунисе, где он основал направление *ambiances* в рамках созданной им группы исследователей ENAU.

¹⁵ Итальянский последователь Шмица, специалист по эстетике Гриффери использует термин *quasi-things* (Griffero 2017); подробнее о статусе полувещи и их отличиях от вещей см. интервью Гриффери, публикуемое в данном тематическом выпуске журнала.

¹⁶ Шмиц не обращается к вопросу происхождения термина “атмосфера”, рассматривая вместо этого генеалогию понятий, включая понятие *Stimmung*.

¹⁷ Читателям, желающим углубиться в историю предшествующих феноменологии атмосфер исследований и связанных с ними концептов *aura*, *ambiance*, *Stimmung*, я рекомендую обратиться к специально посвященным этим темам работам (Spitzer 1942, 1963; Tiedemann 1971; Bégout 2020).

¹⁸ Однако уже опубликовано около 20 русскоязычных статей, не считая публикаций философских работ, а также диссертаций Е.Г. Фень “Основные категории феноменологической философии пространства в современных исследованиях города” (М., ВШЭ, 2012 [Fen 2012]) и А.В. Венковой “Феномен иммерсивности в современной художественной культуре” (СПб.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева [Venkova 2022]) и серии статей (см., напр.: Oznobikhina 2022), а также нескольких переводов работ Бёме, Гриффери и Шмица.

Editor's Introduction

Sokolovskiy, S.V. On Atmospheric Turn in Social Sciences [Ob atmosfernom povorote v sotsial'nykh nauka-kh]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 4, pp. 5–21. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040018>
EDN: AZHJXU ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthro-pology RAS

Sergei Sokolovskiy | <http://orcid.org/0000-0002-0112-0739> | sokolovskiserg@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

atmospheric research, ecology of affect, felt body, Russian anthropology, affective atmospheres

Abstract

The article introduces a special theme of the issue on the “Anthropology of Affective Atmospheres”, featuring contributions by S.V. Sokolovskiy, D.A. Radchenko, S. Runkel, and an interview with T. Griffero. Readers of this thematic issue are acquainted with the new area of philosophical and social research, which until now has practically not attracted the attention of Russian anthropologists, despite the fact that the so-called “atmospheric turn” has deeply influenced quite a wide range of social sciences and humanities, including anthropology. The main goal of this issue of the journal is to familiarize Russian anthropologists and ethnologists with theoretical and methodological foundations of (affective) atmospheres research and specific case studies in this field. The main task of this introduction to the topic is to review relevant concepts, to recommend the most influential publications, the familiarity with which is expected to facilitate the introduction of these subjects into field ethnography programs, and to provide a brief overview of the current “atmospheric” research in the country.

Funding Information

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [grant ID: 075–15–2022–328]

References

- Abels, B. 2018. Music, Affect and Atmospheres: Meaning and Meaningfulness in Palau-an omengeredakl. *The International Journal of Traditional Arts* 2: 1–16.
- Abels, B. 2022. *Music Worlding in Palau: Chanting, Atmospheres and Meaningfulness*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Abu-Lughod, L. 2000. *Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society*. Berkeley: University of California Press.
- Ahmed, S. 2004. *The Cultural Politics of Emotion*. New York: Routledge.
- Ahmed, S. 2004. Affective Economies. *Social Text* 22: 118–139.
- Anderson, B. 2009. Affective Atmospheres. *Emotion, Space, Society* 2: 77–81.
- Anderson, B., and J. Ash. 2015. Atmospheric Methods. In *Non-Representational Methodologies: Re-envisioning Research*, edited by P. Vannini, 37–50. Routledge: Abingdon.
- Arbib, M.A., and T. Griffero. 2023. *Atmosphere(s) for Architects: Between Phenomenology and Cognition*. Manhattan: Kansas State University; New Prairie Press.
- Augé, M. 1992. *Non-Lieux* [Non-Places]. Paris: Le Seuil.
- Augoyard, J.-F., and H. Torgue, eds. 2006. *Sonic Experience: A Guide to Everyday Sounds*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Baranov, D.A., et al. 2022. K ekologii soznaniia i affekta: kommentarii [On the Ecology of Mind and Affect: Comments]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 76–113.

- Beatty, A. 2010. How Did It Feel for You? Emotion, Narrative, and the Limits of Ethnography. *American Anthropologist* 112 (3): 430–443.
- Beatty, A. 2013. Current Emotion Research in Anthropology: Reporting the Field. *Emotion Review* 5 (4): 414–422.
- Bégout, B. 2020. *Le concept d'ambiance. Essai d'éco-phénoménologie* [The Concept of Ambiance: An Essay of Eco-Phenomenology]. Paris: Seuil.
- Bille, M. 2015. Hazy Worlds: Atmospheric Ontologies in Denmark. *Anthropological Theory* 15: 257–274.
- Bille, M., and T.M. Sørensen, eds. 2016. *Elements of Architecture: Assembling Archaeology, Atmosphere and the Performance of Building Spaces*. London: Routledge.
- Bille, M., and S. Schwabe. 2023. *The Atmospheric City*. London: Routledge.
- Benedict, R. (1934) 1989. *The Chrysanthemum and The Sword: Patterns of Japanese Culture*. Cleveland: Meridian Books.
- Benedict, R. (1934) 2013. *Patterns of Culture*. New York: Mentor Book.
- Böhme, G. 1993. The Theory of Atmospheres and Its Applications. *Interstices. The Journal of Architecture and Related Arts* 15: 92–100.
- Böhme, G., and J.-P. Thibaud. 2018. *The Aesthetics of Atmospheres*. London: Routledge.
- Bollnow, O.F. 1965. Die pädagogische Atmosphäre. Untersuchungen über die gefühlsmäßigen zwischen menschlichen Voraussetzungen der Erziehung [A Pedagogical Atmosphere: Investigations into the Emotional and Human Prerequisites of Education]. *Anthropologie und Erziehung* 12 (2): 1–111.
- Borch, C., ed. 2014. *Architectural Atmospheres. On the Experience and Politics of Architecture*. Basel: Birkhäuser.
- Bourguignon, E. 1979. *Psychological Anthropology*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Brednikova, O., and O. Zaporozhets. 2016. Wind, Fatigue, and Romance of the Night (On Peculiarities of New Residential Areas). *Laboratorium* 8 (2): 103–119.
- Briggs, J.L. 1970. *Never in Anger: Portrait of an Eskimo Family*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Briggs, J.L. 1998. *Inuit Morality Play: The Emotional Education of a Three-Year-Old*. New Haven: Yale University Press.
- Clark, A. 2008. *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*. Oxford: Oxford University Press.
- Clough, P.T., and J. Halley, eds. 2007. *The Affective Turn: Theorizing the Social*. Durham: Duke University Press.
- Cooper, T.P.A. 2022. Live has an Atmosphere of Its Own: Azadari, Ethical Orientation, and Tuned Presence in Shi'i Media Praxis. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 651–675. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.13712>
- Crapanzano, V. 2004. *Imaginative Horizons: An Essay in Literary-Philosophical Anthropology*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Devereux, G. 1977. *Essais d'ethnopsychiatrie générale* [Essays in General Ethno-Psychiatry]. Paris: Gallimard.
- Eisenlohr, P. 2018. Suggestions of Movement: Voice and Sonic Atmospheres in Mauritian Muslim Devotional Practices. *Cultural Anthropology* 33 (1): 32–57.
- Eisenlohr, P. 2022. Atmospheric Resonance: Sonic Motion and the Question of Religious Mediation. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 613–631. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.13662>

- Fen, E. 2012. *Osnovnye kategorii fenomenologicheskoi filosofii prostranstva v sovremennykh issledovaniyakh gooroda* [The Main Categories of Philosophy of Space in Contemporary Urban Studies]. PhD diss. Moscow, Higher School of Economics.
- Fuchs, T. 2000. *Psychopathologie von Leib und Raum. Phänomenologisch-empirische Untersuchungen zu depressiven und paranoiden Erkrankungen* [Psychopathology of the Body and Space: Phenomenological-Empirical Studies on Depressive and Paranoid Illnesses]. Darmstadt: Steinkopff.
- Gregg M., and G. Seigworth, eds. 2010. *The Affect Theory Reader*. Durham: Duke University Press.
- Griffero, T. 2014. *Atmospheres: Aesthetics of Emotional Spaces*. Farnham: Ashgate.
- Griffero, T. 2017. *Quasi-Things: The Paradigm of Atmospheres*. Albany: SUNY Press.
- Griffero, T. 2019. Is There Such a Thing as an “Atmospheric Turn”? Instead of an Introduction. In *Atmosphere and Aesthetics: A Plural Perspective*, edited by T. Griffero and M. Turner, 11–62. Cham: Palgrave Macmillan.
- Griffero, T. 2020. *Places, Affordances, Atmospheres: A Pathic Aesthetics*. New York: Routledge.
- Griffero, T., and G. Francesetti, eds. 2019. *Psychopathology and Atmospheres: Neither Inside nor Outside*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Hasse, J. 2002. Subjektivität in der Stadtforschung [Subjectivity in Urban Research]. In *Subjektivität in der Stadtforschung* [Subjectivity in Urban Research], edited by J. Hasse, 7–17. Frankfurt am Main: Institut für Didaktik der Geographie.
- Hasse, J. 2002. Zum Verhältnis zum Stadt und Atmosphäre. Wo sind die Räume der Urbanität? [On the Relationship to the City and Atmosphere: Where are the Spaces of Urbanity?]. In *Subjektivität in der Stadtforschung* [Subjectivity in Urban Research], edited by J. Hasse, 19–40. Frankfurt am Main: Institut für Didaktik der Geographie.
- Hasse, J. 2022. *Das Geräusch der Stadt. Phänomenologie des Lauten und Leisen* [The Sound of the City: Phenomenology of Loudness and Quietness]. Baden-Baden: Verlag Karl Alber.
- Holst, T. 2018. *The Affective Negotiation of Slum Tourism: City Walks in Delhi*. London: Routledge.
- Ingold, T. 2015. *The Life of Lines*. Abingdon: Routledge.
- Ingold, T. 2022. *Imagining for Real: Essays on Creation, Attention and Correspondence*. Abingdon: Routledge.
- Kazig, R. 2007. Atmosphären-Konzept für einen Nicht Repräsentationellen Zugang zum Raum [The Concept of Atmosphere for a Non-Representational Access to Space]. In *Kulturelle Geographien* [Cultural Geography], edited by C. Berndt and R. Pütz, 167–188. Bielefeld: transcript Verlag.
- Kissel, M.A. 1990. Filosofskii sintez A.N. Whitehead’a [Philosophical Synthesis by A.N. Whitehead]. In *Izbrannye raboty po filosofii* [Whitehead A.N. Collected Works in Philosophy], by A.N. Whitehead, 3–55. Moscow: Progress.
- Kuntz, P.G. 1984. *Alfred North Whitehead*. Boston: Twayne Publishing.
- Kupriyanov, P.S., and M.L. Lurie. 2022. “This Spirit, when You Feel It, It Is Always Very Cool...”: How Cultural Atmospheres Work and why Do We Like Them. *Shagi/Steps* 8 (4): 248–275.
- Leavitt, J. 1996. Meaning and Feeling in the Anthropology of Emotions. *American Ethnologist* 23 (3): 514–539.

- Löfgren, O. 2010. Urban Atmospheres – An Ethnography of Railway Stations. In *Orte – Situationen – Atmosphären. Kulturanalytische Skizzen* [Places – Situations – Atmospheres: Cultural Analytical Sketches], edited by B. Binder, M. Ege, A. Schwanhäußer, and J. Wietschorke, 67–76. Frankfurt: Campus.
- Löfgren, O. 2014. Urban Atmospheres as Brandscapes and Lived Experiences. *Place Branding and Public Diplomacy* 10: 255–266.
- Lotka, T. 2020. Philosophy of the Atmospheric Turn. *Advances in Culture, Tourism and Hospitality Research* 16: 15–29.
- Lutz, C., and L. Abu-Lughod, eds. 1990. *Language and the Politics of Emotion*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lutz, C., and G.M. White. 1986. The Anthropology of Emotions. *Annual Review of Anthropology* 15: 405–436.
- Massumi, B. 2002. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Durham: Duke University Press.
- Massumi, B. 2010. The Future Firth of the Affective Fact: The Political Ontology of Threat. In *The Affect Theory Reader*, edited by M. Gregg, and G.J. Seigworth, 52–70. Durham: Duke University Press.
- Massumi, B. 2015. *Politics of Affect*. Cambridge: Polity Press.
- Massumi, B. 2019. Dim, Massive and Important: Atmosphere in Process. In *Music as Atmosphere: Collective Feelings and Affective Sounds*, edited by F. Riedel and J. Torvinen, 286–301. London: Routledge.
- McGraw, A. 2016. Atmosphere as a Concept for Ethnomusicology: Comparing the Gamelatron and Gamelan. *Ethnomusicology* 60 (1): 125–147.
- Mead, M. 1928. *Coming of Age in Samoa: A Psychological Study of Primitive Youth for Western Civilization*. New York: Wiliam Morrow & Co.
- Mead, M. 1930. *Growing Up in New Guinea*. New York: Blue Ribbon Books.
- Myers, F.R. 1979. Emotions and the Self: A Theory of Personhood and Political Order among the Pintupi. *Ethos* 7: 343–370.
- Myers, F.R. 1986. *Pintupi Country, Pintupi Self: Sentiment, Place, and Politics among Western Desert Aborigines*. Washington: Smithsonian Institution Press.
- Nietzsche, F. (1864) 1994. Über Stimmungen [On Moods]. In *Frühe Schriften* [Early Writings], by F. Nietzsche, 2. München.
- Oznobikhina, I. 2022. Magic Materialism: From Atmospheric Technologies to Architectures of Affect. *Technology and Language* 3 (4): 101–124.
- Radermacher, M. 2020. Religion und Atmosphäre. Überlegungen zum Potenzial sozial-räumlicher Arrangements in religiösen Situationen [Religion and Atmosphere: Considerations on the Potential of Socio-Spatial Arrangements in Religious Situations]. In *Die Macht der Atmosphären* [The Power of Atmospheres], edited by C. Julmi and B. Wolf, 240–259. Freiburg: Karl Alber.
- Riedel, F. 2019. Atmosphere. In *Affective Societies*, edited by J. Slaby and C. von Scheve, 85–95. London: Routledge.
- Riedel, F., and J. Torvinen, eds. 2019. *Music as Atmosphere: Collective Feelings and Affective Sounds*. London: Routledge.
- Rosaldo, M.Z. 1980. *Knowledge and Passion: Ilongot Notions of Self and Social Life*. New York: Cambridge University Press.
- Rosaldo, M.Z. 1984. Toward an Anthropology of Self and Feeling. In *Culture Theory: Essays on Mind, Self and Emotion*, edited by R.A. Shweder and R.A. LeVine, 137–157. Cambridge: Cambridge University Press.

- Rosaldo, R. 1980. *Ilongot Headhunting 1883–1974: A Study in Society and History*. Stanford: Stanford University Press.
- Rosaldo, R. 1993. Introduction: Grief and a Headhunter's Rage. In *Culture and Truth: The Remaking of Social Analysis*, by R. Rosaldo, 1–21. Boston: Beacon Press.
- Sánchez-Fuarros, I., D. Paiva, and D.M. Calvo, eds. 2023. *Ambiance, Tourism and the City*. London: Routledge.
- Scheler, M. 1973. *Formalism in Ethics and Non-Formal Ethics of Values: A New Attempt Toward the Foundation of an Ethical Personalism*. Evanston: Northwestern University Press.
- Shishova, E. 2018. The Atmosphere of Urban Spaces: From Metaphor to Description Language. *The Journal of Sociology and Social Anthropology* 21 (4): 85–103.
- Schmitz, H. 1965. *System der Philosophie* [System of Philosophy]. Vol. II (1), *Der Leib* [The Body]. Bonn: Bouvier.
- Schmitz, H. 1969. *System der Philosophie* [System of Philosophy]. Vol. III (2), *Der Gefühlsraum* [The Space of Feelings]. Bonn: Bouvier.
- Schmitz, H. 1992. *Leib und Gefühl. Materialien zu einer philosophischen Therapie* [Body and Feeling: Materials for Philosophical Therapeutics], edited by H. Gausebeck and G. Risch. Paderborn: Junfermann.
- Schmitz, H. 2011. *Der Leib* [The Body]. Berlin: Walter de Gruyter.
- Schmitz, H. 2014. *Atmosphären* [Atmospheres]. München: Karl Alber.
- Schoon, S. 2008. Shanghai – Mosaik der Vielfalt [Shanghai – Mosaic of Diversity]. *Die Alte Stadt* 35 (2): 117–130.
- Schroer, S.A., and S.B. Schmitt, eds. 2018. *Exploring Atmospheres Ethnographically*. London: Routledge.
- Seigworth, G., and C. Pedwell, eds. 2023. *The Affect Theory Reader*. Durham: Duke University Press.
- Simmel, G. 2009 (1908). *Sociology: Inquiries into the Construction of Social Forms*. Leiden: Brill.
- Simmel, G. 2001 (1913). Philosophie der Landschaft [The Philosophy of Landscape]. In *Gesamtausgabe* [Collected Works], edited by G. Simmel, 12: 471–482. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Simpson, P. 2017. A Sense of the Cycling Environment: Felt Experiences of Infrastructure and Atmospheres. *Environmental Planning A* 49: 426–447.
- Slaby, J. 2019. Atmospheres – Schmitz, Massumi and beyond. In *Music as Atmosphere: Collective Feelings and Affective Sounds*, edited by F. Riedel and J. Torvinen, 274–285. London: Routledge.
- Soentgen, J. 1998. *Die verdeckte Wirklichkeit. Einführung in die Neue Phänomenologie von Hermann Schmitz* [The Hidden Reality: Introduction to the New Phenomenology by Hermann Schmitz]. Bonn: Bouvier.
- Sokolovskiy, S.V. 2022. Veshchi, affekty i ekologiya razuma: o material'nykh aspektakh politiki identichnosti [Things, Affects and the Ecology of Mind: On Material Aspects of Identity Politics]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 57–75.
- Sokolovskiy, S. 2022b. I'd Visit a Doctor, but when I Ponder It, I Get the Blues: On Affective Atmospheres in Medical Anthropology. *Qeios* 1–12. <https://doi.org/10.32388/HECMWN>
- Spitzer, L. 1942. Milieu and Ambiance: An Essay in Historical Semantics. *Philosophy and Phenomenological Research* 3 (1): 1–42; 3 (2): 169–218.
- Spitzer, L. 1963. *Classical and Christian Ideas of World Harmony*. Baltimore: John Hopkins Press.

- Stenslund, A. 2023. *Atmosphere in Urban Design: A Workplace Ethnography of an Architecture Practice*. London: Routledge.
- Sumartojo, S., and S. Pink. 2019. *Atmospheres and the Experiential World: Theory and Methods*. London: Routledge.
- Tellenbach, H. 1968. *Geschmack und Atmosphäre: Medien menschlichen Elementarkontaktes* [Taste and Atmosphere: Media of Elementary Human Contact]. Salzburg: Otto Müller Verlag.
- Thibaud, J.-P. 2007. *Variations d'ambiances. Processus et modalités d'émergence des ambiances urbaines: Rapport de recherche* [Variations of Atmospheres: Processes and Modalities of Emergence of Urban Atmospheres: Research Report]. Grenoble: CRESSON.
- Thibaud, J.-P. 2011. The Sensory Fabric of Urban Ambiances. *The Senses and Society* 6 (2): 203–215.
- Thibaud, J.-P. 2013. L'énigme des ambiances en partage [The Enigma of Shared Ambiance]. In *Ambiances urbaines en partage. Pour une écologie sociale de la ville sensible* [Shared Urban Ambiances: Towards Social Ecology of the Sensory City], edited by J.-P. Thibaud and C.R. Duarte, 7–19. Genève: Métis Presses.
- Thibaud, J.-P. 2015. The Backstage of Urban Ambiances: When Atmospheres Pervade Everyday Experience. *Emotion, Space and Society* 15: 39–46.
- Thibaud, J.-P. 2021. The Atmospherization of Everyday Experience. In *Breathe: Investigations into Our Atmospherically Entangled Future*, edited by K.K. Loenhardt, 163–174. Basel: Birkhäuser.
- Tiedemann, R. 1971. Aura [The Aura]. In *Historisches Wörterbuch der Philosophie* [Historical Dictionary of Philosophy], edited by J. Ritter, 1: 651–652. Basel: Schwabes.
- Thrift, N. 2008. *Non-Representational Theory: Space, Politics, Affect*. London: Routledge.
- Trigg, D., ed. 2023. *Atmospheres and Shared Emotions*. London: Routledge.
- Turner, V. 1983. *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Moscow: Nauka.
- Uhrich, S. 2008. *Stadionatmosphäre als verhaltenswissenschaftliches Konstrukt im Sportmarketing* [The Atmosphere of a Stadium as a Behavioural Scientific Construct in Sports Marketing]. Wiesbaden: Gabler.
- Vannini, P., ed. 2015. *Non-Representational Methodologies: Re-Envisioning Research*. Abingdon: Routledge.
- Venkova, A.V. 2022. Fenomen immersivnosti v sovremennoi khudozhestvennoi kul'ture [The Phenomenon of Immersion in Modern Art Culture]. PhD diss. St. Petersburg, Russian Heritage Institute.
- Wetherell, M. 2012. *Affect and Emotion: A New Social Science Understanding*. London: Sage.
- White, D. 2017. Affect: An Introduction. *Cultural Anthropology* 32 (2): 175–180.
- Zehmisch, P., U. Münster, J. Zickgraf, and C. Lang, eds. 2018. *Soziale Ästhetik, Atmosphäre, Medialität. Beiträge aus der Ethnologie* [Social Aesthetics, Atmosphere, Mediality: Contributions from Ethnology]. Berlin: LIT Verlag.